

Инна Арутюнова

## Двор на Большой Арнаутской, 61

Если вы считаете, что язык Бабеля и его дворы были только на Молдаванке, вы глубоко ошибаетесь. Их можно было встретить и в самом центре Одессы, на углу Большой Арнаутской и Ришельевской.

...Двор в доме по № 61 на Б. Арнаутской (тогда Чкалова) в конце 1960-х – начале 70-х гг. Это был небольшой двор, где слева стояли одноэтажные домики с палисадниками, а справа – 2-этажные дома. Здесь жила моя сокурсница и сотрудница по университету (мы учились на вечернем отделении) Милочка Кацук. Я не изменяю в своем рассказе имена и фамилии – хочется, чтобы они остались в памяти. Милочка – красивая девушка с зелеными глазами, высокой грудью и тонкой талией – могла считаться эталоном красоты 60-70-х гг. Ко всему она была очень умна, предприимчива, в то же время сдержанна. Я никогда не слыхала, чтобы она на кого-нибудь повышала голос. Милочка была чистокровной украинкой (если, конечно, кто-нибудь может быть в этом уверен в отношении себя после тех перипетий: переселения народов и войн в Средние и ближние века), но это не мешало ей отлично знать украинский, русский и идиш. Кто из нас, живших в первую половину XX века в одесском дворе, не знал сколько-нибудь идиш? А одесский акцент был неистребим.

И вот Милочка, окончившая университет с красным дипломом, могла, к примеру, сказать так: «Бабушка, я иду с Инной немножко в кино». Она жила с бабушкой и котом Фридоном, подобранным ею умирающим на улице и получившим кличку в честь одного из героев «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели. Любовь к грузинской литературе закончилась для Милочки

замужеством за замминистра мелиорации Грузии. Кот в благодарность за спасение освободил двор от крыс, в отличие от других котов – бездельников, которые с крысами дружили. Мила, возвращаясь с работы домой, находила в палисаднике трупы крыс, сложенные в образцовом порядке: головы в одну сторону, хвосты – в противоположную. Кот сидел рядом с ними с видом действительно грузинского рыцаря-победителя. Убирать трупы приглашали соседа, которому все это скоро надоело, и он решил выдать Милу замуж за меховщика. Однажды он появился с довольно молодым мужчиной и, представляя его Миле, сказал ему: «Смотри, какая девушка. А сколько в ее палисаднике меха! Ты сшей ей шубу, и вы будете счастливы 120 лет».

Но другие соседи были очень довольны подвигами Фридоны и носили ему угощение. Милочка реагировала так: «Фридончик, пройди к мадам Шор, мадам Цубенко и т. д. и поблагодари их за угощение».

Двор был дружный. Во дворе хозяйки чистили рыбу, готовили обед, красили волосы, делали педикюр (не сорить же, в самом деле, дома), обсуждали все новости и друг друга, правда, всегда без злости и зависти. Когда кто-то что-то готовил, то всегда угощали соседей. Сколько мне пришлось, помогая Миле, делать огромных тазов оливье, так как в любой момент кто-нибудь из соседей мог зайти, и не предложить угоститься было не в правилах этого двора. Кстати, если хозяин был дома, то все двери в теплое время года были нараспашку. Конечно, не обходилось без ссор, но это были ссоры без той страшной агрессии, с которой мы сталкиваемся теперь.

К примеру, я чуть не стала врагом двора, когда не смогла сдержаться от смеха, когда Люся, обожавшая Моцарта и не признававшая газовых плит, так как считала газ вредным, готовила обед на примусе, напевая и накачивая его под 40-й концерт Моцарта: «Та-та, та-та, татата». И вот мы с Милой слышим громкий плач Люси. Весь двор моментально выскочил из своих квартир. Люся, громко всхлипывая, поведала: «Я имела плащ «болонья», я его постирала и повесила на веровка, но его украли». Все как могли утешали Люсю. В это время во двор вошла мадам Иголкина. Они с Люсей не разговаривали лет 10. Но когда у человека горе,

то не до взаимных обид. (Это же Одесса!) «Люсенька, дорогая, что случилось? Я была у своих внуков, чтоб они были здоровы, сволочи, как они плохо кушают! И я ничего еще не знаю». «Ах, Фрумочка, – говорит сквозь слезы Люся, – у меня был плащ «болонья». Если бы я видела его на асфальт, я бы его в жизни не подняла. Но он был мой, и я его постирала, повесила на веровка, и его украли» (я сохранила текст так, как они его произносили).

«Теперь всё, – сказала маленькая толстая, похожая на колобок Фрума. – Я теперь дома и наведу порадок. Это все из-за кафе напротив. Они там едят мороженое, пьют шампанское, а к нам идут писать». В это время во двор зашел импозантный мужчина средних лет. Увидев Милу, он превратился в мартовского кота, глаза заблестели. Фрума подкатилась к нему, как колобок: «Молодой человек, вы к кому?». «А вам какое дело!» – огрызнулся он, плотоядно поглядывая на Милу и пытаясь произвести на нее впечатление.

«Молодой человек! – снова к нему обратилась Фрума. – Я вам как родная мать говорю: если вы хотите писать, то это не здесь». Никто, кроме меня, не оценил комичности ситуации, поэтому на меня смотрели волком.

У Фрумы Иголкиной были дочь и сын. Сын был влюблен в Милу, и весь двор был «за свадьбу». Сын работал поваром в ресторане «Театральный» и носил Миле курицу и почему-то чай.

Вспомнился мне такой случай. Мы сидели с Милой на тахте и готовились к экзамену. Входная дверь, как полагается, была открыта. Вдруг входят мама и дочь Иголкины. И «ни тебе здрастье» – продолжают начатый между собой диалог, не обращая на нас никакого внимания:

– Так Мила идет с ним к Шойхетам?

– Я уверена.

– А что она наденет?

И, не обращая на нас никакого внимания, Иголкины открыли шкаф и стали перебирать Милены платья. Наконец после довольно продолжительного осмотра и обсуждения остановились на каком-то платье, сунули его нам под нос и удалились. Я спросила Милу, знала ли она об этом приглашении, на что Мила ответила, что первый раз об этом слышит.

Во дворе жила еще одна забавная пара – Наумчик и Ида. Они всегда улыбались, были ко всем доброжелательны. Наумчик имел привычку ходить летом по двору в трусах и петь неаполитанские песни. Иногда к нему присоединялась жена, и они напоминали мне двух счастливых птиц, поющих от радости жизни. Как-то услышала в открытое окно их разговор:

– Я уже накрыла на стол, Наумчик. Поставь посередине бутылка лимонад.

– Зачем? У нас уже стоят водка и вино.

– Ах, чтоб было красиво!

Еще во дворе жила Риточка Ованесян с 5-летним сыном Артурчиком, «вождем краснокожих». И вот такая картина: Артурчик привязал к тушке курицы веревку и носится с ней по двору. С дальнего противоположного окна раздается голос: «Риточка, ты была на Привозе. Какие там сегодня цены? Почему ты брала курицу?». Рита подробно рассказывает о ценах и, в свою очередь, спрашивает: «Откуда вы знаете, что я купила курицу?» – «Ах, твой Артурчик уже час таскает ее на поводке по всему двору, а за ним все наши кошки».

Не так давно я побывала в этом дворе. На воротах кодовый замок, но я проникла во двор, который уже не то, все перестроено. Иголкины, Люся и Наумчик уехали: кто в Америку, кто в Израиль. Моих старых знакомых уже тоже нет: кто уехал, кто приехал. Я сама себе напомнила последние кадры кинофильма «Покровские ворота», где герой стоит у своего бывшего разбитого дома. У меня та же ностальгия. Я все пишу об уходящей Одессе. А как быть с уходящим духом Одессы?

